

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Л. Ф. МОНОГАРОВА

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЗАПАДНОМ ПАМИРЕ

Изучение этнических процессов, происходивших за годы социалистического строительства и протекающих в настоящее время внутри различных наций Советского Союза, а также путей изживания обособленности и дальнейшего этнического развития малочисленных народностей — одно из важных направлений современной советской этнографии.

Различный социально-экономический уровень развития народов нашей страны до Великой Октябрьской социалистической революции обусловил неравномерность их этнического развития, наличие наряду с крупными народностями и нациями этнографических групп и малочисленных народностей.

Изучение современных этнических процессов на Западном Памире • представляет особый интерес в связи с изживанием былой обособленности припамирских народностей, которой кроме исторических и социально-экономических причин в значительной степени способствовали чрезвычайная географическая изолированность Западного Памира и различная религиозная принадлежность припамирских народностей и таджиков¹.

За годы Советской власти в результате национальной политики Коммунистической партии и Советского правительства, социалистических преобразований в экономической и культурной жизни, у ряда народов Средней Азии национальная консолидация завершилась формированием наций и постепенным исчезновением обособленности как этнографических групп каждой из этих наций, так и обособленности живущих в окружении определенной нации инонациональных малочисленных народностей. Например, при сложении узбекской социалистической нации с нею, кроме этнографических групп собственно узбеков, • слились к настоящему времени курама, часть среднеазиатских арабов, отдельные группы каракалпаков и туркмен, предки которых издавна переселились в районы расселения узбеков; идет процесс завершения слияния ягнобцев с таджиками и более тесного сближения с ними жи-

¹ Припамирские народности в подавляющем большинстве принадлежали к секте исмаилитов — ответвлению шиитского толка ислама, тогда как таджики придерживались суннитского толка.

вущих в СССР припамирских народностей² или, как их теперь чаще называют, припамирских таджиков (язгулемцев, рушанцев, баджуйцев, хуфцев, бартангцев, шугнанцев, ишкашимцев, ваханцев). К припамирским народностям относились в прошлом и ванчцы, слившиеся с таджиками к началу XX в.

В СССР припамирские таджики в настоящее время живут в пограничных с Афганистаном Ванчском, Рушанском, Шугнанском и Ишкашимском районах Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. Значительное число рушанцев, шугнанцев, ишкашимцев и ваханцев населяют Афганский Бадахшан (левобережье р. Пяндж), а сарыкольцы (около 8 тыс. чел.) — юго-восток Памира, в пределах КНР (Синьдзянь).

По переписи 1969 г. (по данным родного языка) припамирских таджиков в СССР было свыше 42 тыс. чел.

Припамирские народности, родственные таджикам и между собою, сложились к X в. под влиянием особых исторических, социально-экономических и природных условий на периферии этнической территории формирования таджиков, на базе древних сакских и, возможно, дардских племен. Они говорят на так называемых памирских языках, объединяемых в одну группу с восточноиранскими языками, однако настолько различными между собой, что язгулевец не понимает шугнанца, рушанец — ваханца и т. п. «Р. Шоу отметил большую близость — как материальную, так и типологическую — памирских языков к языкам дардской группы... Мысль о существовании переходной группы в составе индо-иранской семьи, о переходности кафирских и дардских и близости к ним памирских языков прослеживается и развивается... в трудах лингвистов, занимавшихся языками данного ареала...»³.

Сложение таджикской народности способствовало объединению к X в. отдельных феодальных владений в рамках государства Саманидов. Формирование таджиков шло на основе таджикского языка, вытеснившего с территории сложения этой народности восточноиранские языки, сохранившиеся до настоящего времени на территории СССР лишь у припамирских таджиков.

Вахан, Шугнан и Рушан с Дарвазом, составлявшие одно владение в X в., с этого времени сохраняли свою фактическую самостоятельность. В XVIII в. Вахан и Шугнан боролись против политической зависимости, главным образом от Бадахшана и Дарваза.

В середине XIX в. Бадахшан был завоеван Афганистаном. Вахан и Шугнан платили дань Дарвазу до завоевания его в 1878 г. бухарским эмиром. В конце XIX в. (в 1883 г.) Рушаном, Шугнаном и Ваханом завладел Афганистан. В 1895 г. по русско-английскому договору к Афганистану отошла часть Дарваза по левому берегу Пянджа, а к Бухаре — правобережные земли Вахана, Шугнана, Рушана и Язгулем. Ими правил бек, наместник бухарского эмира. С 1904 г. по договоренности с эмиром Бухары Язгулем остался в составе Дарваза, а Шугнан, Рушан и Вахан фактически были присоединены к России.

Припамирские народности до недавнего времени были отделены высочайшими труднопроходимыми горными хребтами друг от друга и от культурных центров Средней Азии.

² Исследователи называли эти народности «иранскими племенами Западного Памира», «горцами верховьев Пянджа», «горцами Памира», «припамирскими народами» или «припамирскими народностями», «памирскими таджиками» или «припамирскими таджиками». В советской литературе утвердились термины «припамирские народности» и «припамирские таджики».

Д. Эдельман, Современное состояние изучения памирских языков, «Вопросы языкознания», 1964, № 1, стр. 128—129.

Вдоль по Пянджу из Дарваза в Рушан в недалеком 'прошлом един-
ственным путем была только тропа в обход через перевалы Гушхон
(Ванч-Язгулемский хребет) и Одуи (Язгулемо-Бартангский). Между
жителями соседних долин связь поддерживалась по опаснейшим ис-
кусственным карнизам — оврингам. Русские власти в 1915 г. проложи-
ли с помощью местного насе-
ления вьючную тропу вдоль
Пянджа, но, как пишет
П. Лукницкий: «Обвалы, да-
вины, камнепады, водопады и
половодья вскоре испортили
эту дорогу... К тридцатым го-
дам она снова стала ужасной...
Бывало за двенадцати-тринад-
цатичасовой дневной переход
мы проходили всего три-четы-
ре километра. Развьючивать
и завьючивать весь караван,
протаскивать каждый вьюк и
каждую лошадь по оврингам,
непрерывно карабкаясь и по-
висая над бездной, могли
только люди, закаленные мно-
гомесечными путешествиями.
Это был поистине нечеловече-
ский труд»⁴. М. С. Андреев
приводит слова старика-язгу-
лемца, рассказывавшего ему
о трудностях пути в прошлом
между Язгулемом и Рушаном:
«Даже птица в старое время
не могла 'пролетать там»⁵.

В настоящее время поездку
от столицы Таджикистана —
Душанбе до центра Горно-
Бадахшанской автономной об-
ласти — Хорога, общей протя-
женностью свыше 560 км,
можно совершить на машине
немногим более, чем за сутки
с половиной, а самолетом за
Час С четвертью.

Преодоление бездорожья
оказало значительное влияние на изживание былой экономической и
культурной обособленности припамирских таджиков.

Этнические процессы, происходящие среди припамирских народно-
стей в годы социалистического строительства, характеризуются как
более тесным сближением этих народностей между собой, так и одно-
временно частичным слиянием и усилением сближения их с таджи-
ками.

В хозяйстве, материальной культуре, семейном быту припамирских
народностей прослеживается взаимодействие их традиционной культу-

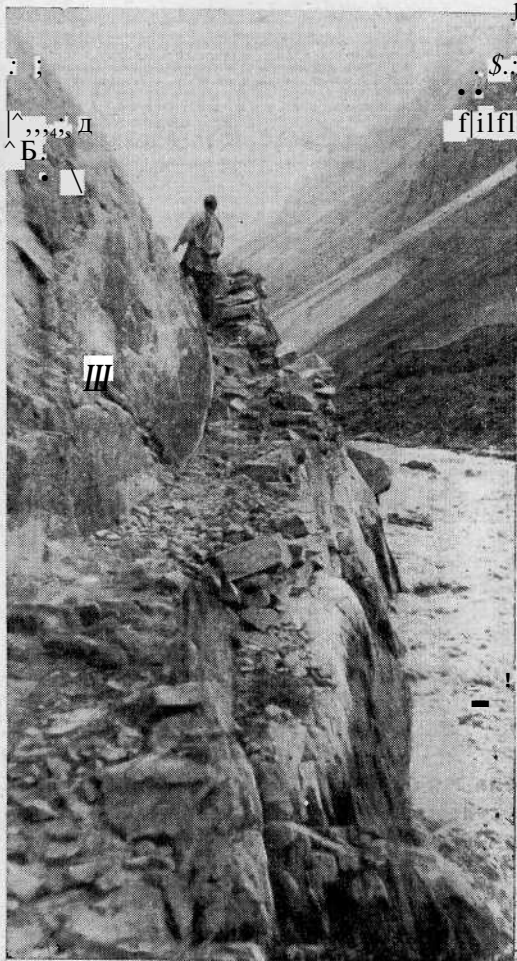

Рис. 1. Тропа в низовье р. Язгулем

⁴ П. Лукницкий, Путешествия по Памиру, М., 1955, стр. 496.

⁵ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, ч. II, стр. 256—258.

ры с современной таджикской и общесоветской социалистической культурой.

Издавна шел процесс взаимовлияния припамирских народностей между собой, способствующий выработке некоторых общих для всех припамирских народностей черт хозяйственной деятельности и основных элементов материальной и духовной культуры, отличных от таковых у таджиков⁶.

Основой хозяйственной деятельности были: земледелие высокогорного типа и скотоводство, охота на диких козлов и баранов, домашние

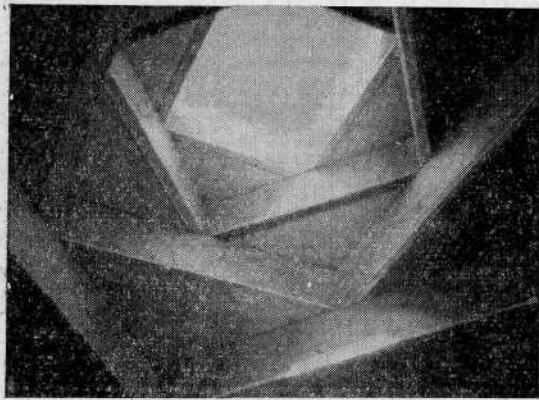

Рис. 2. Ступенчатая кровля «чор-дора» со световым отверстием (в прошлом, когда топили «по черному» оно служило и для выхода дыма)

ремесла — ткачество, гончарство и т. п. Приспособлены к суровым природным условиям Памира традиционные орудия труда, типы жилища и одежды. Традиционное жилище всех припамирских народностей — дом, сложенный из камня или сырцового кирпича. Деревянный каркас поддерживает кровлю — деревянный потолок в виде ступенчатого свода⁷; в центре его устроено световое отверстие, служившее в прошлом и для выхода дыма (рис. 2).

Национальная одежда была туникообразного покроя у мужчин и женщин;

шилась она главным образом из домотканых шерстяных тканей. Мужчины носили в холодное время года шерстяные распашные халаты и шувы из овчины. Обувью служили сапоги на мягкой подошве, надеваемые на высокие носки «джурабы», вязанные из цветной шерсти, с красивым орнаментом, и деревянные галоши, имеющие на подошве 3 выступа с шипами. Мужским головным убором служили тюбетейки с плоским верхом, шерстяные колпаки; женщины покрывали голову платком (длиною до 2 л), концы которого свободно падали на грудь или спину.

Исторические условия развития, экономическая отсталость, влияние исмаилитского духовенства и особенности исмаилитской идеологии обусловили сходство многих черт общественной и семейной жизни при-

⁶ А. С. М. А. Б. Б. Р. инской, Горцы верховьев Пянджа, М., 1908; М. С. Андреев и др., Л. Ф. Моногарова, Таджики долины Хуф, Сталинабад, ч. I, 1953, ч. II, 1958; Л. Ф. Моногарова, Язгулемцы Западного Памира, «Сов. этнография», 1949, № 3; ее же, Материалы по этнографии язгулемцев, «Среднеазиатский этнографический сборник», II, М. 1959; А. К. Писарчик, Припамирские таджики. Раздел в томе «Народы Средней Азии и Казахстана», М., 1962 (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»); А. 4 Семенов, Носыри-Хисров о мире духовном и материальном, «Сборник Турк 'Воет' ин-та в честь проф. А. Э. Шмидта», Ташкент, 1923, стр. 124—133; А. А. Бобриной Секта исмаилия в русских и бухарских пределах Средней Азии, «Этнографическое обозрение», 1902, № 2, кн. I, стр. 1—21; А. Массэ, Ислам, М., 1962, стр. 145—152.

⁷ Л. Ф. Моногарова, Язгулемцы Западного Памира, стр. 98; ее же, Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 43; В. Л. Воронина, Жилище Ванча и Язгулема, Сб. «Архитектура республик Средней Азии», М., 1951; М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, ч. II, стр. 273.

памирских народностей, в том числе значительных пережитков патронимии и сословного деления, более длительное бытование больших и неразделенных семей, патриархально-феодалных начал в семье (однако при отсутствии затворничества женщин, столь характерного для прошлого общественного и семейного быта таджиков), пережитков древних верований и т. п.

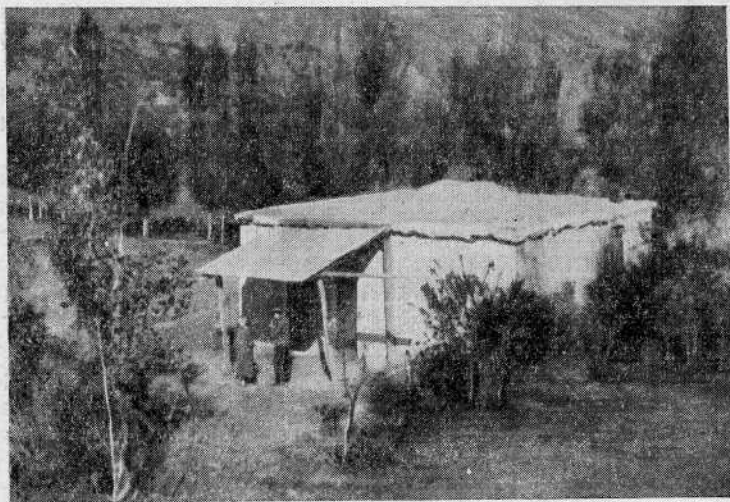

Рис. 3. Жилой дом с навесом над входом. Кишлак Поршнёв, Шугнанский район

До Великой Октябрьской социалистической революции естественные процессы хозяйственного и культурного сближения припамирских народностей с таджиками и даже с наиболее близкими им по историческим судьбам и экономическому развитию таджиками Дарваза в силу упомянутых выше причин протекали медленно⁸.

Издавна языком общения между припамирскими народностями и между ними и таджиками служил таджикский язык, называемый местным населением «форси». «Для этого межпамирского «форси» можно отметить значительное упрощение всей грамматической, в частности, глагольной системы»⁹. Из припамирских народностей наиболее тесно с горными таджиками соприкасались ванчцы (или ванджи).

Постепенное экономическое и культурное сближение ванчцев с таджиками Дарваза привело к утере ванчского языка, замене его таджикским (ванджским говором таджикского языка) и, как мы уже говорили, слиянию ванчцев с таджиками. Таджикские остальные районов республики считают ванчцев таджиками. В 1920-х гг. «...И. И. Зарубину удалось записать около 50 слов, относящихся к этому языку, и отметить характерные его особенности. Зарубин указал на наличие остатков вымершей речи в современных таджикских говорах Ванча... Еще и сейчас можно... записать отдельные слова или связные отрывки»¹⁰.

⁸ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, ч. II, стр. 259—260.

⁹ А. З. Розенфельд, Таджикские говоры Советского Бадахшана и их место среди других говоров на Памире, «Вестник Ленинградского ун-та», 1963, № 20, Серия истории, языка и литературы, вып. 4, стр. 109.

¹⁰ А. З. Розенфельд, К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях, «Труды Ип-та языкознания АН СССР», т. VI, 1956, стр. 274.

«Судя по некоторым признакам, ванджский язык, входя в северную подгруппу памирских языков, наиболее тесно примыкал к язгулемскому языку»¹¹.

Язгулемцы, населяющие соседнюю с Ванчем долину, войдя с конца XIX в. в состав Бухарского эмирата, вынуждены были, как ранее это сделали ванчцы, официально принять суннизм.

Язгулемцы в настоящее время, как и остальные припамирские народности, сохранили свой родной язык, пользуются им и в домашнем быту, и на производстве. Исследователи отмечают более заметное воздействие таджикской культуры на язгулемцев, чем на другие народности Западного Памира, однако таджиками ни язгулемцев, ни остальных припамирцев таджики других районов республики, в том числе и ванчцы, не считают.

До Октябрьской революции, как было уже упомянуто, процессы хозяйственного и культурного сближения припамирских народностей с таджиками протекали медленно, но они развивались и развивались главным образом на основе распространения таджикского языка, который служил и продолжает служить основой приобщения припамирских народностей к таджикской культуре. Этот процесс усилился после установления Советской власти, ликвидации феодальных сословных привилегий, благодаря изживанию обособленности и росту экономического и культурного общения народностей Западного Памира с населением других районов республики и остальных республик нашей страны.

Образование Горно-Бадахшанской автономной области (1925 г.) в пределах Таджикской ССР и социалистическое переустройство хозяйства, особенно создание колхозов, обусловили экономическую общность припамирских таджиков с таджиками остальных районов республики. Следует отметить большую экономическую помощь Горно-Бадахшанской автономной области со стороны Таджикской республики. Важное значение в общей экономической и культурной жизни Горно-Бадахшанской автономной области и Таджикской республики имела ликвидация бездорожья (проведение автомобильных дорог Ош—Хорог в 1934 г. и Душанбе—Хорог в 1940 г.), установление авиасвязи между отдельными районами области и регулярного воздушного сообщения по линии Душанбе—Хорог, связавшими между собой как отдельные районы, так и Горно-Бадахшанскую автономную область в целом с культурными центрами Таджикистана и другими республиками Советского Союза.

Сближение отдельных элементов национальной культуры и быта инонациональных народностей, несомненно, зависит от общего культурного уровня различных социальных слоев взаимодействующих (контактирующих) групп этих народов, что и обуславливает неравномерность развития данного процесса.

Так, естественно, среди припамирских народностей у городского населения Хорога в быту отмечается больше элементов современной таджикской и городской культуры, чем у сельского населения. В сельских местностях элементы таджикской и городской культуры наиболее отчетливо прослеживаются в среде местной сельской интеллигенции: учителей, врачей, руководящих работников советских и общественных организаций, колхозов и т. п.

В настоящее время в жилища припамирских народностей, сохраняющих многие традиционные черты, внесены новые элементы: большие окна, дающие много света, с застекленными открывающимися рамами,

¹¹ Д. Эдельман, Указ. раб., стр. 131.

двускатная застекленная рама над световым отверстием в потолке; дымоход, отводящий дым от очага через трубу, проходящую внутри невысоких нар и нагревающую их (труба выходит либо через специальное отверстие в крыше, либо через световое). Вместо стенных ниш, как и таджики и узбеки, многие делают стенные шкафы, главным образом для посуды и продуктов.

В доме, имеющем традиционную народную планировку, сохраняется, как правило, и его традиционное убранство. В некоторых домах есть столы и другая мебель, но она зачастую используется не по своему прямому назначению: на табуретку ставят швейную машину, на стол — радиоприемник, посуду и другие предметы. Каждая семья имеет специальное жилое помещение «куш-хона», — так называется комната для гостей, в которой обычно живут молодые члены семьи, часто молодожены. В этой комнате элементы национального убранства — кошмы, шерстяные паласы местного производства, покрывающие пол, и иногда — низенькие, идущие только вдоль двух стен нары и т. п. — сочетаются с декоративным элементом убранства, распространенным у равнинных таджиков (например шелковыми сюзани), а также с городской мебелью (столы, стулья, кровати, иногда шкафы), тюлевыми занавесками, этажерками с книгами, радиоприемниками, коврами и посудой фабричного производства.

Рис. 4. Молодая женщина-шугнанка (первая справа) и две девушки (первая слева — бартангка) в повседневной одежде

Использование мебели по ее прямому назначению зависит в известной мере от общего культурного уровня семьи. В большинстве семей в сельской местности до сих пор готовят пищу, едят, спят на полу, даже при наличии в доме соответствующей мебели; дети учат уроки нередко тоже не за столом, а сидя на полу, на кошмах и коврах.

За последнее десятилетие традиционная национальная одежда памирских таджиков сильно изменилась. Их современная национальная одежда содержит элементы, заимствованные не из традиционного, а из современного национального костюма таджиков. У женщин — это расплывшееся с начала 1950 г. платье с отрезной кокеткой, со стоячим или отложным воротником; встречаются и платья современных, модных фасонов. Шаровары в отличие от прошлых широких — довольно узкие и у молодых женщин и девушек, в том числе и у учениц старших классов, короткие, примерно на 10 см выше щиколотки («стиль» — по-

местному); низ штанин, как и у равнинных таджиков, обшит узорной тесьмой — «шериоза». БОЛЬШЕМ успехом пользуются яркие носки и обувь фабричного производства — ууфли, в холодное время года сапоги. Голову пожилые женщины покрывают большим платком, молодые женщины и девушки — легкой косынкой или носят тюбетейку нового памирского типа, невысокую, с вертикальным околышем и плоским верхом (красного, синего, зеленого цвета). Некоторые пожилые женщины также носят тюбетейки, которые здесь распространились примерно с начала 1940-х гг. Таджикские вышитые тюбетейки появились в 1950-х гг.

В холодное время года женщины носят жакеты, шерстяные кофты, чулки и пальто фабричного производства. Из традиционной национальной одежды остались джурабы, надеваемые в сапоги (и у мужчин и у женщин). В отдаленных кишлаках сохраняется в одежде больше национальных элементов. Женские украшения сочетают традиционные элементы — ожерелья из бусин и кораллов, искусственные косы (из черной или красной шерсти) и различные украшения фабричного производства.

У мужчин повсеместно, начиная с 1940-х гг. распространились городские формы одежды, у молодых она обычно модного покроя. Национальный элемент костюма — памирская тюбетейка нового фасона, а с 1950-х гг. частью национального костюма припамирцев стали также таджикские и узбекские тюбетейки («чусти»). Изготовление традиционных распашных шерстяных халатов в связи с распространением одежды фабричного производства, начиная с послевоенных лет, все уменьшалось и к настоящему времени почти совсем прекратилось. Этот халат (белого цвета) остается преимущественно обрядовой одеждой жениха.

Часть мужчин, особенно пастухи высокогорных пастбищ и живущие в отдаленных кишлаках, носят и халаты, и овчинные шубы зимой, джурабы и местные мягкие сапоги, на которые надевают резиновые галоши (местную деревянную обувь перестали изготавливать примерно с начала 1950-х гг.).

В пище традиционные национальные блюда и напитки сочетаются с таджикскими, русскими, украинскими и другими блюдами, вошедшими в меню семьи через общественные столовые или чайхоны, имеющиеся в центре каждого сельсовета и -крупного кишлака, а иногда заимствованные в семьях товарищей по работе, соседей, особенно в городе и районных центрах.

В хозяйственной деятельности (социалистическая организация хозяйства, новые сельскохозяйственные культуры, способы обработки земли и т. п.) и в материальной культуре припамирских народностей наблюдается более значительное сочетание элементов их традиционной культуры с таджикской и городской общесоветской, чем в области семейных отношений и семейной обрядности, в недавнем прошлом наиболее тесно связанных с обычным правом и религиозной идеологией исмаилизма. Однако следует подчеркнуть, что в основном на семейный быт припамирских таджиков определяющее влияние оказывает советская социалистическая идеология.

В процессе этнического взаимодействия с таджиками припамирские народности усваивают лучшие черты современной национальной культуры таджиков, насыщенной элементами общесреднеазиатской и общесоветской культуры.

На этнические процессы значительное влияние, как уже говорилось, оказывает рост общей культуры населения. Следует подчеркнуть всеобщее стремление, особенно молодежи, к образованию. Если в 1924 г. на территории Горно-Бадахшанской автономной области была всего

1 школа и 3 учителя, то в 1964 г.— 266 школ и 2086 преподавателей, причем из них только учителя русского языка (дети начинают его изучение со второго класса) русские или украинцы, а остальные, включая

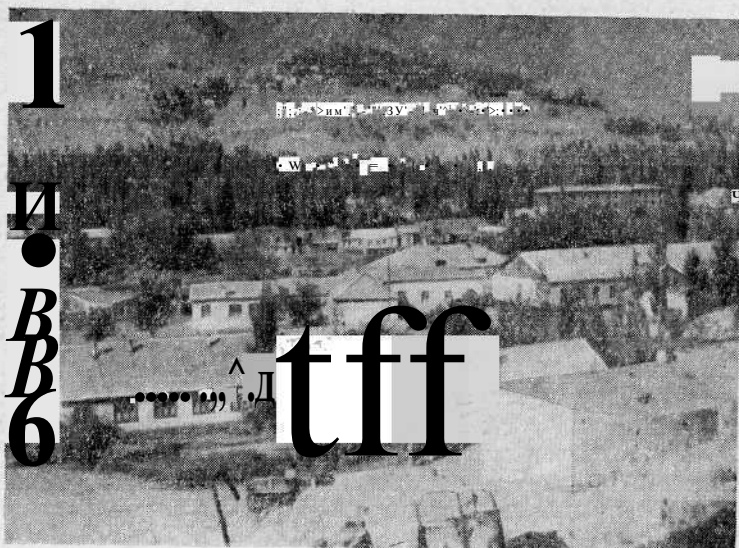

Рис. 5. Общий вид Хорога

Рис. 6. Новый дом в Верхнем Хороге

преподавателей иностранных языков (с пятого класса ребята учат немецкий, английский, а в одной школе г. Хорога персидский) — все местные из среды припамирских таджиков. Не только мальчикам, но и девочкам родители стремятся дать полное среднее образование. Если в 1954 г. из 424 выпускников полной средней школы были 102 девушки, то в 1963 г. из 545 выпускников—273 девушки. В 1964 г. из выпускни-

ков средней школы 280 человек принято в высшие учебные заведения республики, из них — 124 девушки, причем 22 поступили на факультет русского языка и литературы.

Изживание былой экономической и культурной обособленности припамирцев проявилось в слиянии (ванчцы) и в усилении сближения язгулемцев, рушанцев, шугнанцев, ваханцев и других припамирских народностей с таджиками. По данным переписи 1959 г. все припамирские народности назвали себя по национальной принадлежности таджиками, но родным языком они (за исключением ванчцев) указали свои памирские языки. Даже и малочисленные ишкашимцы, живущие в СССР лишь в одном кишлаке Рын (их там свыше 400 чел., а всего в 1955 г. — более 500 чел., по данным Т. Н. Пахалиной), назвали своим родным языком ишкашимский. Т. Н. Пахалина пишет, что этот язык «... как и все памирские языки, бесписьменный. В настоящее время пользование родным языком у советских ишкашимцев ограничено пределами повседневного обихода. Школа, делопроизводство, печать, радио — на таджикском языке, который все ишкашимцы, кроме детей дошкольного возраста, достаточно хорошо знают. С помощью таджикского языка они общаются с находящимися с ними по соседству ваханцами и приезжающими иногда в Ишкашим шугнанцами. Между собой же в обиходе они говорят только по-ишкашимски. Таким образом, хотя сфера употребления ишкашимского языка весьма ограничена, но в ней он сохраняется довольно прочно»¹².

У более многочисленных народностей, таких как шугнанцы, рушанцы и ваханцы, естественно, родной язык сохраняется еще прочнее. В прошлом на вопрос о своей национальной принадлежности отвечали: «згамик» (язгулемец), «хугни» (шугнанец) и т. п.

Национальное самосознание припамирских таджиков по материалам непосредственного наблюдения и расспросным сведениям проявляется в самоназваниях «памирец», «памирский таджик», «таджик». Термин «памирец», употреблявшийся в прошлом больше как собирательное географическое понятие, в настоящее время, по-видимому, приобретает и этническое значение.

Родным языком пользуются не только в домашнем быту, но и на производстве. Однако естественный процесс сближения с таджиками продолжает развиваться уже на основе новой социалистической культуры таджиков. Словарный запас памирских языков дополняется все время заимствованиями из таджикского, на котором идет обучение в школе, делопроизводство, ведутся радиопередачи, Таджикским языком пользуются пресса, кино, театры и т. п.

За последние годы как в таджикском, так и в памирских языках происходит заимствование слов и из русского языка, становящегося языком межнационального общения народов СССР. Таджикский язык и сейчас является основным при общении припамирских народностей между собою.

Как отмечают лингвисты, «межламирский «форси», кроме своей разговорной формы засвидетельствован и в многочисленных произведениях народного творчества — рубои, песнях, сказках, стихах местных поэтов... Таджикский фольклор распространен на Памире повсеместно среди населения, говорящего на различных памирских языках. На местных языках исполняются лирические четверостишия (шугнано-рушанская группа) и трехстишия (среди ваханцев), а также сказки»¹³.

¹² Т. Н. Пахалина, Ишкашимский язык, М., 1959, стр. 3.

¹³ А. З. Розенфельд, Таджикские говоры Советского Бадахшана, стр. 108—109.

Коллективы художественной самодеятельности исполняют на таджикском языке песни народов Индии, Афганистана и т. д.

Таджикский язык становится вторым родным языком припамирских таджиков. Он является одним из важных факторов в процессе изживания былой обособленности припамирцев, их постепенного более тесного сближения с таджиками, приобщения к современной национальной таджикской и общесоветской социалистической культуре.

SUMMARY

The article considers contemporary ethnical processes among the Pamirs peoples or, as they are now called, the Pamirs Tajiks living in the Western Pamirs in the Gorno-Badakhshan Autonomous Region of the Tajik SSR. These processes taking place in the years of socialist development are characterized by closer drawing together of the Pamirs Tajiks and at the same time by partial merging (Vanchs) as well as closer contact of the Pamirs population with the Tajiks. According to the 1959 census, all the Pamirs population gave their nationality as Tajiks but named their own Pamirs languages as their native language. The Tajik language, which has long served for the communication of the Pamirs nationalities between themselves and between them and Tajiks, is becoming a second native language of the Pamirs Tajiks. One of the important factors in the process of overcoming the isolation of the Pamirs peoples is their closer contact with the Tajiks and participation in the contemporary national Tajik and common Soviet socialist culture.